Wykaz skrótów

1. K – Kolberg O. Dzieła wszystkie. T. 1–56 / O. Kolberg. – Warszawa; Kraków, 1961 i nast.
2. KLS – Moszyński K. Kultura ludowa Słowian / K. Moszyński. – Warszawa, 1967, 1968. – T. 2: Kultura duchowa: cz. 1, 2.
3. KopSS – Słownik symboli / red. W. Kopaliński. – Warszawa, 1990.
4. Lubelskie – Polska pieśń i muzyka ludowa źródła i materiały / red. J. Bartmiński. – Lublin, 2011. – T. 4: Cz. I–V.
5. MifNM – Мифы народов мира. Энциклопедия / ред. С. А. Токарев. – М., 1987–1988. – Т. 1, 2.
6. NKPP – Nowa księga przysłów polskich. T. 1–4 / red. J. Krzyżanowski. Warszawa, 1969–1978.
7. SlavMif – Славянская мифология. Энциклопедический словарь / ред. В. Я. Петрухин [и др.]. – М., 1995.
8. SGP – Słownik gwar polskich / Zakład Dialektologii Polskiej Instytutu Języka Polskiego PAN. – Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1977–2010. – T. 1–7.
9. SFP – Słownik folkloru polskiego / red. J. Krzyżanowski. – Warszawa, 1965.
10. SSiSL – Słownik stereotypów i symboli ludowych / red. J. Bartmiński. Lublin 1996–2012. – T. 1, cz. 1–4
11. SlavDrev – Славянские древности. Этнолингвистический словарь / ред. Н. И. Толстой. – М., 1995–2009. – Т. 1–4.
12. Słownik Warszawski – Słownik języka polskiego. / red. J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Warszawa, 1900 – 1927. Reprint T. I–VIII. Warszawa, 1952–1953. T. 1–8

СТЕРЕОТИПЫ И ЦЕННОСТИ
В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

С. Небжеговска-Бартминьска

Этнолингвистика – это область языкознания, исследующая язык в его соотношениях с культурой, групповым сознанием, сферой убеждений, верований и поведения. Люблинская этнолингвистика, называемая так же *когнитивной* [Nerop-Ajdaczyć 2007; Zinken 2009; Vaňkova 2010], так же как другие славянские этнолингвистические школы (диалектологическая Никиты и Светланы Толстых и этимологическая Вячеслава Иванова и Владимира Топорова) обращается к философии языка Вильгельма фон Гумбольдта, но в отличие от других люблинское направление больше связано с американскими концепциями Эдварда Сепира и Бенджамина Ли Уорфа, сосредотачиваясь, прежде всего, на реконструкции языковой картины мира (ЯКМ), то есть на содержащейся в языке и доступной к изучению посредством языка интерпретации мира, вписываясь тем самым в культурологическо-антропологическое и когнитивистическое направление исследований.

Для описания ЯКМ в рамках ведущихся в Люблине исследований используются несколько ключевых терминов, «понятийный инструментарий», а именно: стереотип, когнитивная дефиниция, профилирование и профиль, точка зрения, субъект и ценности. Подробно о них в своей статье *Aspect of Cognitive Ethnolinguistics* [2009] пишет Ежи Бартминьский. Стереотипы – это фрагменты ЯКМ, картинки в голове, касающиеся того, как что-то выглядит, какое оно, как действует (Липпман, Патнэм). Когнитивная дефиниция является инструментом описания стереотипов, ее задача – представить зафиксированную в языке категоризацию явлений окружающего мира, их характеристики и оценки, то есть то, как говорящие на данном языке понимают X. Профилирование это когнитивная операция, суть которой состоит в том, чтобы на основании коммуникационных актов создать специализированные варианты базового пред-

ставления о предмете с определенным намерением, которое можно описать в категориях языковых стилей и речевых актов. Профиль как результат процесса профилирования (вариант базового представления) создается с субъективной точки зрения, т. е. с позиции, которую субъект занимает во время осмотра и концептуализации предмета. Точка зрения всегда предполагает наличие субъекта, который действует, концептуализирует и вербализирует – в согласии с определенными, важными как для него (и его сообщества), так и для того, к кому он обращается (адресата) ценностями.

В данной работе сопоставляются друг с другом два из семи вышеперечисленных ключевых понятий, а именно **стереотипы** и **ценности**, а точнее: анализируется зависимость между некоторыми представлениями о предмете в голове и тем, что для субъекта важно. Этому вопросу пока не уделялось достаточного внимания в работах люблинских авторов, хотя оба понятия активно использовались в «Словаре стереотипов и народных символов» [SSiSL 1996, 1999, 2012], и ранее в пилотном номере словаря [SLSJ 1980]. Кроме того, стереотип и ценность это ключевые понятия, используемые при создании *Польского аксиологического словаря* [PSA, см. Bartmiński 1989], и в сравнительных исследованиях, ведущихся в рамках семинара EUROJOS [Bartmiński 2005; Bartmiński, Chlebda 2008; Abramowicz, Bartmiński, Chlebda 2009].

Поскольку в некоторых контекстах ценности и стереотипы используются как взаимозаменяемые понятия (с одной стороны, мы имеем дело со стереотипами *матери, родины, работы*, с другой – эти же понятия выступают как ценности), мы рассмотрим взаимоотношения между ними и предложим несколько иное позиционирование этих понятий при описании языковой картины мира.

Мы исходим из положения, что в языковой картине мира, понимаемой как содержащаяся и зафиксированная в языке интерпретация действительности, которая доступна к познанию посредством языка (системы языка и текстов в качестве манифестации этой системы), присутствуют как стереотипы, так и ценности. Как одни, так и вторые познаются в процессе аквизиции языка, поскольку язык как

своеобразный архив культуры является одновременно своеобразной «кладовой» стереотипов и ценностей. Перефразируя слова Ежи Бартминского [2003] можно сказать, что язык является: 1) носителем стереотипов и ценностей; 2) источником информации о стереотипах и ценностях 3) а также инструментом стереотипизации и оценки.

Исходя из положения, что **стереотипы** – это сформированные в некой социальной опытно-экспериментальной раме представления о предмете, а **ценности** это то, что для человека и сообщества считается хорошим, ценным, мы попытаемся проследить, в каких взаимоотношениях друг с другом находятся эти понятия.

Попытка выделить и описать эти взаимоотношения уже была предпринята Ежи Бартминским и Иолантой Панасюк [1993], которые в рамках понятия **стереотип** в зависимости от принятой модальности (*есть, может быть, должен быть*) выделили четыре вида стереотипов: картины, образцы, мифологические представления и идеологические представления.

вид модального суждения	картины	образцы	мифологические представления	идеологические представления
есть (является)	+		+	
может быть			+	+
должен быть		+		+

Картинам соответствует модальное суждение *X (есть) такой-то*, образцам – *X должен быть*, мифологическим представлениям – *X (есть) и X может быть*, а идеологическим представлениям – *X может быть и X должен быть*. При таком подходе ценности в качестве аксиологических понятий без сомнения могут быть отнесены к последней группе, то есть к так называемым «идеологическим стереотипам», под которыми подразумеваются такие понятия, как *равенство, свобода, солидарность, любовь, правда, отчизна* и т. п. Все они являются чем-то, что «может быть» и одновременно тем, что «должно быть».

Языковая интуиция, однако, подсказывает, что в повседневном обиходе ценностью для субъекта может быть

что-то с совершенно «приземленным» онтологическим статусом. Что-либо, что просто «есть», как, например, дом, Бог, земля, т. е. понятия не из категории «высоких идей». Это могут быть понятия, которые относятся к вариантам стереотипа названным в работе Бартминьского и Панасюк картинами, образцами и мифологическими представлениями. Чтобы точнее описать взаимоотношения стереотипов и ценностей, мы воспользуемся уже готовыми реконструкциями понятий, представляющих все виды стереотипов, например: *огня и солнца, матери и дома, Бога и ангела, свобода и равенства*. Мы воспользуемся уже существующими реконструкциями, разработанными разными авторами, но по одной и той же методике и на схожем исследовательском материале. В исследованиях авторов, принадлежащих к люблинской когнитивной этнолингвистической школе, при описании всех видов стереотипа используется одна методология, в основе которой лежит когнитивная дефиниция³⁶. Когнитивная дефиниция это определение, главная цель которого «дать представление о том, как говорящие на данном языке понимают предмет, то есть о зафиксированном в общественном сознании и доступном познанию при помощи языка знании о мире, о категоризации его явлений, их характеристик и оценок» [Bartmiński 1988: 169–170].

При описании стереотипа используются данные трех типов: 1) система данного языка (то есть наименования предмета, рассматривающиеся с точки зрения их внутренней формы, метафоричности, семантики производных, коллокаций и фразеологических оборотов); 2) результаты экспериментальных исследований, то есть тексты, полученные анкетным методом (при изучении общенационального языка), а так же данные опросных листов в рамках полевых

³⁶ Принципы когнитивной дефиниции изложены Ежи Бартминьским в 1988 году в статье *Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji* [Bartmiński 1988], позднее они были использованы в практике авторами словарных статей *Słownika stereotypów i symboli ludowych* [SSiSL 1996, 1999], использовались в текстах опубликованных в рамках так называемой люблинской красной серии, особенно в томе *Językowy obraz świata* [Maćkiewicz 1990, Masłowska 1990; Mazurkiewicz 1990a; Niebrzegowska 1990], а так же в публикациях ежегодника „Etnolingwistyka” [Mazurkiewicz 1990b; Adamowski 1992; Niebrzegowska 1992; Bartmiński, Majer-Baranowska 1996; Bartmiński, Niebrzegowska 1994]. В статье 1993 года Ежи Бартминьский и Рышард Токарский особо подчеркивают, что когнитивная дефиниция имеет открытый характер [Bartmiński, Tokarski 1993].

исследований; 3) тексты разных жанров от клишированных формул (таких как пословицы и поговорки) до спонтанных (созданных для одноразового использования) текстов, зачерпнутых из специальных корпусов национального языка и интернетных поисковиков. На основании данных всех трех видов выделяются некие устойчивые признаки³⁷, которые лежат в основе языкового (то есть закрепленного в общественном сознании) образа предмета. «Представления о предмете» в форме предложения или его текстового эквивалента группируются в однородные блоки (семантические подкатегории), которые принято называть фасетами. Эти представления отражают сознание носителей используемого языка и культуры. Выделение фасет носит не внешний (навязанный извне), но внутренний характер, является следствием анализа материала, основано на интуиции *native speaker* и соответствует постулату субъектной, «внутренней» реконструкции.

Какие же «представления о предметах» уже описаны в этнолингвистической литературе? И чем они отличаются от традиционных (классических) лексикографических определений? Репрезентативными представителями этой последней группы мы считаем словарные статьи «Универсального словаря польского языка» под редакцией Станислава Дубиша [*Uniwersalny słownik języka polskiego* – USJP]. Этот толковый словарь продолжает словарную традицию издательства PWN, которая выводится из опыта *Słownika języka polskiego* [Словаря польского языка] под редакцией Витольда Дорошевского [1958–1969]. В очередных партиях статьи мы остановимся на самых выразительных характеристиках предмета, выделить которые позволил анализ языковых доказательств.

Słońce (солнце) согласно определению в словаре Дубиша [USJP Dubisza 4/411] – это самая близкая к Земле звезда, центральное небесное тело Солнечной системы, являющееся главным источником попадающей на Землю энергии, которое в дневное время видно на небе в форме огненного шара'. В когнитивной дефиниции – стремящейся реконстру-

³⁷ А не «всяческие ассоциации», как пишет Рената Гжегорчик в работе *Wprowadzenie do semantyki językoznawczej* [Grzegorzczkova 2010: 63].

ировать польскую языковую картину мира [см. Bartmiński, Niebrzegowska 1996³⁸] солнце – это самый большой свет на небе, источник света (*blask słońca; słońce świeci* <блеск солнца, солнце светит>) и тепла (*ciepło słoneczne; słońce gorące, ogniste; słońce piecze, pali* <солнечное тепло; горячее, огненное солнце; солнце печет, жжет>), движение которого по небу определяет поры дня, а положение – стороны света (*wschód i zachód słońca* <восход = восток и закат = запад солнца>). Солнце ясное (*jasne jak słońce; jaśnieć jak s.* <ясно как солнце; светиться как солнце>) и круглое (*koło słoneczne; kula, krąg słońca* <солнечный круг; шар, круг солнца>); движется (*wstaje, zachodzi* <встает, садится>). Из-за своего центрального положения на небе солнце является символом чего-то очевидного (*być czegoś pewnym jak s. na niebie* <быть в чем-то уверенным как в солнце на небе>). На его целостную характеристику накладываются дополнительные оценки: солнце становится символом совершенства (*Plamy są i na słońcu* <пятна на солнце>), счастья (*słońce wolności, promyk słońca* <солнце свободы, луч солнца>) и радости (*być komuś, dla kogoś słońcem* <быть кому-то, для кого-то солнцем>). Оно приятно человеку (ср. обращения к близким людям: *słonko, słoneczko* <солнышко>). Солнце ассоциируется с жизнью (*ujrzeć s.; jego s. już zaszło* <увидеть с., его с. уже зашло>) и божественным началом (ср. *słońce sprawiedliwości* <солнце справедливости> по отношению к Иисусу).

Ogień (огонь) в USJP 3/171 – это `пламя и жар появляющиеся во время сжигания чего-либо'. В когнитивной дефиниции огонь это одна из «стихий», а его характеристики в польской языковой картине мира [ср. Szadura 1996] весьма богаты и так же как в случае других стихий – амбивалентны. С одной стороны, огонь дает тепло (о. *grzeje* <греет>) и является условием жизни, с другой стороны, огонь (*pożar* <пожар>) это сила, которая сжигает, жжет, пожирает, уничтожает (ср. фраз. *bać się jak ognia* <бояться как огня>);

³⁸ Кроме того, обширный блок характеристик присущих повседневной практике носителей языка и народным представлениям о солнце находится в статье *Stereotyp słońca w polszczyźnie ludowej*, опубликованной в 6 томе „Etnolingwistyki” [Bartmiński, Niebrzegowska 1994]. Обе эти работы являются продолжением попыток реконструкции образа солнца, предпринятыми Ежи Бартминьским в *Zeszyty próbnym Słownika ludowych stereotypów językowych* [Bartmiński 1980: 200–230] и Станиславой Небжеговской [1985] в ее дипломной работе.

ogień walki <огонь борьбы, сражения> `о войне, занимающей все большие пространства и втягивающей огромное количество людей, о таком же сражении'; *ogień grozy, ogień niebezpieczeństw* <огонь угрозы, опасности> – отсюда символика огня как страстной, но одновременно губительной любви (*ogień miłości, pożądania, namiętności* <огонь любви, страсти, желаний>), ненависти и низменных инстинктов (*ogień oburzenia, gniewu; ogień kogoś pożera, trawi* <огонь возмущения, гнева; огонь кого-л. пожирает, жжет изнутри>).

В повседневной языковой практике, как и в народных верованиях, местонахождение огня это не только земля, но и «тот свет»: небо (о. *niebieski* <небесный о.>), в чистилище (о. *czyśćcowy* <чистилищный о.>) и в аду (о. *Piekielny* <адский, адов о.>). Последний воспринимается как инструмент муки в наказание за грехи.

Dom (дом) в USJP to 1/652 это `предназначенное для квартир, производственных помещений, учреждений здание', `квартира, жилое помещение, место постоянного жительства', `семья, члены семьи, а также: место жительства со всеми проживающими в нем'.

Согласно когнитивной дефиниции „польский дом”³⁹ – это здание (в современном языке это так же квартира) предназначенное для проживания (*dom mieszkalny* <жилой дом>), построенное из разных материалов (*dom drewniany, betonowy, kamienny* <деревянный, бетонный, каменный дом>), имеющее определенный внешний вид, то есть форму и величину (дом может быть *parterowy, piętrowy, niski* <одноэтажный, двухэтажный, низкий> или *wysoki, drapacze chmur, wieżowce, kamienica, blok, chata, chałupa* <высокий, небоскребы, панельные дома, многоэтажка, высотка, хата, халупа>). Дом состоит из таких частей, как: *dach, ściany/mury, okna, drzwi* <крыша, стены, окна, двери>. При метафорических использованиях этот физический, материальный аспект исчезает, а на первый план выдвигаются социологические и психологические характеристики: дом это так же учреждение (*Dom Kultury* <Дом культуры>), с важными функциями социального и воспитательно-исправительного

³⁹ На тему реконструкции понятия дом в польском языке см. Bartmiński 1997; Żywicka 2007: 35–46.

(*dom poprawczy* <исправительный дом>), религиозного (*dom modlitwy*, *dom boży* <дом молитвы, Божий дом>) или торгового (*Dom Książk* <Дом книги>) характера. В польской языковой картине мира зафиксирован процесс строительства дома (*tworzyć*, *budować*, *wznosić*, *stawiać dom* <создавать, строить, возводить, ставить дом>; ср. так же этимологию слова *dom*). Дом это так же семья, понимаемая как сообщество людей живущих в нем (*dom ludzi*, *Wójcicka z domu Krasnopolska* <дом людей, Вуйчицкая в девичестве (досл. из дома) Краснопольская>). В образе дома основные черты и признаки указывают на то, что дом это некое сообщество людей (*dom rodzinny*, *rodzina*, *domownicy* <отчий дом (досл. семейный), семья, домашние>) и место, отвечающее основным потребностям человека, дающее ему приют и чувство стабильности, гарантирующее безопасность, обеспечивающее жизнестойкость (*ognisko domowe* <домашний очаг>). Таким образом, дом это место, где человек хорошо себя чувствует, где он одет в удобную и свободную одежду (*ubiór domowy*, *podomka*, *być jak u siebie w domu* <домашняя одежда, быть как у себя дома>), и где он любит быть (*domator*, *domatorka* <домосед, домоседка>).

Matka (мать) в USJP 2/789 это всего лишь `женщина, которая родила ребенка и обычно его воспитывает'. По данным когнитивной дефиниции, которая моделирует повседневную, разговорную концептуализацию матери [Bartmiński 1998: 69], мать это гораздо больше. Это понятие предполагает некую положительную, получившую общественное апробацию характеристику, которая кроме рождения ребенка предусматривает так же кормление его грудью (*matka u matka mleczna* <мамка, кормилица, молочная мать>), заботу о других людях (*matkować komu* <быть кому-л. как мать, заменять кому-л. мать>; *matka chrzestna* <крестная мать> `женщина, принимающая на себя обязанности морально заботиться о человеке принимающем таинство крещения'). Мать дает приют и укрытие (*matecznik* <логово, пристанище> `трудно доступное место, укрытие), нежность, сердечность (*po matczynemu* <как мать>), она занимает важное положение в семье (ср. расширенная метафора *matka przelożona* <мать-игуменя> и `начальник дружины'). Эле-

менты оценки появляются на уровне описания признаков относящихся к взаимоотношениям мать-ребенок: ребенок относится к матери с нежностью (ср. уменьшительно-ласкательные обращения: *tamcia*, *tamusia*, *tamunia*, *tameńka*, *tamula*, *mateczka*, *matusia*, *matunia* и т. д.), мать пользуется его любовью (ср. заклинание *jak matę kocham*), и уважением (самое страшное оскорбление это обзвать мать, ср. ругательство *kurwa mać*).

Bóg в USJP 1 2003: 309 это `сверхъестественное существо высшего ранга, творец и властитель всей вселенной'. В принимающей во внимание языковые факты когнитивной дефиниции Бог это не только невидимое существо более могущественное, чем человек, и имеющее над ним власть. Богу – как показали исследования Анны Ружицко [Różyło 2006] – приписываются многочисленные черты в силу культурно-языковой традиции: Бог это создатель мира и человека (ср. *stworzenie boże* <творенье божье>), Бог дает судьбу, счастье и богатство (*dary boże*, *co Bóg da*, *bogdanka* <дары божьи, что Бог даст>), Бог заботится о человеке (*Opatrzność Boża* <божья ласка>), может его поддержать (*szczęść Boże*, *z Bogiem!* <благослови Бог, с Богом!>), помочь в трудных ситуациях (*zostawić kogoś Opatrzności Bożej* <оставить кого-л. божьей ласке>). Человек зависит от воли Бога (*wola boska*, *niech się dzieje wola Boża/nieba*; *dopust boży* <божья воля, да будет воля Твоя>). Бога суверенного в своих решениях (*miłosierdzie boże* <Божьей милостью>). Бог вмешивается в жизнь человека (*palec boży*, *zrządzenie Boskie* <божий перст, Божественная воля>), наказывает (*kara boska*, *sąd boży* <божье наказание, Божий суд>) и награждает (*nagroda od Boga / nagroda w niebie* <награда от Бога, награда в небе>), но всегда готов простить человеку его вины (*pojednać się z Bogiem* <прийти к согласию с Богом>). Бог всеведущ (*Bóg jeden wie* <один Бог знает>) и поэтому справедлив (*sprawiedliwość boska*, *sprawiedliwość boża* <божья, божественная справедливость>). Бог пребывает, прежде всего, на небесах (*coś jest pewne jak Bóg na niebie* <что-л. так очевидно, как Бог не небе>) и там ожидает человека после смерти (*pójść do Boga*, *stanąć przed Bogiem*, *oddać duszę Bogu* <отправится к Богу, предстать перед Богом, отдать душу Богу>).

Anioł (ангел) в USJP 1/85 это `сверхъестественное существо исполняющее функции посредника между Богом и людьми, воплощение совершенства и доброты, обычно изображается в виде человека с крыльями`.

Согласно когнитивной дефиниции, которая реконструирует зарегистрированные в разговорном польском языке представления, ангел⁴⁰ это существо, принимающее облик человека с длинными, прямыми, светлыми волосами (*włosy anielskie* <ангельские волосы>) и крыльями (*anielskie skrzydła* <ангельские крылья>). Он красив (*piękny jak anioł* <красив как ангел> `очень красивый`), добр (ср. *anielskie serce* <ангельское сердце> `доброе сердце`, *anioł dobroci* <ангел доброты> `идеал, воплощение доброты`), терпелив (*anielska cierpliwość* <ангельское терпение>). Он воплощение невинности (ср. *aniołek* <ангелок> `о ребенке`) и противопоставляется дьяволу. Кроме того, ангел исполняет роль посланца и вестника как плохих, так и хороших вестей: *anioł pokoju, burzy, śmierci* <ангел мира, бури, смерти> `вестник мира, бури, смерти и т. д.`). Чаще всего ангел считается божьим посланцем и поэтому глашатаем хороших вестей (фраз. *anioł im objawił* <ангел им возвестил>; ср. слова молитвы *Anioł Pański zwiastował Pannie Maryi, że poczęła z Duchą Świętego*). Существует широко распространенное мнение, что ангел сопровождает человека, заботится о нем и бережет его от зла (фраз. *anioł stróż* <ангел хранитель>).

По общераспространенным представлениям ангелы обитают в потустороннем мире, на небесах, где *chóry anielskie* <ангельские хоры> поют во славу Божью (*śpiewać jak anioł* <петь как ангел> `чудесно`). Их господином является Бог (*Anioł Pański* <Ангел Господень>), а королевой – Божья Матерь (*Królowa Aniołów* <Королева Ангелов>). Среди ангелов есть иерархия – ангелы самого высокого ранга называются архангелами. Ангелочками после смерти становятся невинные дети (на могилах детей часто встречается надпись: *powiększył grono aniołków* <увеличил ангельский сонм>; ср.

⁴⁰ Их реконструкцией занималась в своей дипломной работе Эвелина Питала [Pitala 2011]. Ранее Анна Качан опубликовала статью *Obraz anioła i diabła w przysłowiach i związkach frazeologicznych* [Kaczan 2005].

также устаревшее выражение *fabrykantka aniołków* <производительница ангелов> `специализирующаяся в искусственных выкидышах акушерка`).

Wolność (свобода) в USJP 5/167 это `независимость, суверенность одного государства от других государств`, `возможность принимать решения в согласии со своей волей`, `жизнь на свободе, не в заключении` и `права граждан, определяемые всеобщим благом, национальными интересами и правопорядком`. Согласно когнитивной дефиниции [см. Abramowicz, Karolak 1991: 53] вольность является „идеей, политической целью, принципом жизни отдельной личности, социальной группы, класса, народа”.

Для поляков основным субъектом является народ, нация, и тогда речь идет о политической свободе (*wolność Polski, wolność ojczyzny* <свобода Польши, свобода отчизны>). В так понимаемом понятии свободы содержится сильный аксиологический заряд: свобода это то, к чему стремятся и чего желают: за свободу *walczą, cierpi się, przelewa krew i umiera* <борются, страдают, проливают кровь и умирают>. Другими субъектами свободы могут быть социальные группы, классы (*wolność stanów, ludu* <свобода сословий, просто народа>); а так же отдельный человек, личность: *wolność człowieka, jednostki, wolność osobista* <свобода человека, личности, личная свобода>.

Свободу можно *daje, daruje* <дать, подарить>, свободой можно *obdarowuje* <одарить>, свободы можно кого-л. *pozbawia* <лишить> или же кому-л. ее *nadaje* <даровать>, кто-то свободу *traci* и *odzyskuje* <теряет и обретает>. О свободе говорится при помощи метафор, используя растительные категории (*wolność kwitnie, owocuje* <свобода цветет, приносит плоды>), или же как о необходимой для жизни пище (*kosztować wolności, sycić się wolnością* <попробовать свободы, насытитесь свободой>).

Субъекты пользуются свободой в определенных рамках, особенно это касается публичных письменных и устных высказываний (*druku, słowa* <свобода печати, слова>), демонстрации своих позиций и убеждений (*sumienia, zrzeszania się, zgromadzeń, dyskusji* <свобода совести, объединений, собраний, дискуссии>), выбора религии и вероисповедания

(*wolność religijna, wolność religii, wyznania, kultu* <религиозная свобода, свобода выбора религии, вероисповеданий, культа>).

Równość (равенство) в USJP 4/219 это 'отсутствие разделения общества по половым, расовым или социальным признакам; равноправие'. Согласно когнитивной дефиниции равенство⁴¹ в польском языке понимается как принцип, который нужно воплощать в жизнь, как некий постулат. Равенство это то, к чему люди стремятся и то, что трудно, и даже невозможно реализовать на практике. Описывающее взаимоотношения людей и групп равенство предполагает наличие кого-то, кто равен кому-то другому – поэтому речь идет о равенстве людей разного пола, вероисповедания, культур, поколений, с разными гражданствами, принадлежащих к разным народам, национальностям и государствам. Сильнее всего зафиксирована в языке *równość wobec prawa* <равенство перед лицом закона> (ср. так же: *równoprawny, równoprawnienie* <равноправный, равноуправнения>), не менее акцентирована так же потребность равенства при разделении обязанностей. В современном мире провозглашено равенство шансов и доступности образования. Постулат равенства исходит из признания достоинства человека. Естественные различия между людьми не означают, что можно по-разному к ним относиться, и такое одинаковое (в некоторых областях) отношение к людям считается чем-то хорошим и приносит общественную пользу. Постулат равенства как принципа межчеловеческих отношений требует не только рекламы, но и борьбы.

В разговорном польском языке проявляется амбивалентное отношение к равенству: с одной стороны, наблюдается некоторая дистанция по отношению к лозунгу, который воспринимался как элемент пропаганды, как «пустая политическая фраза», с другой стороны, равенство воспринимается как утопическая идея, как постулат, как то, к чему хочется и следует стремиться. Абсолютное равенство воспринимается как утопическая, далекая от реальной жизни идея. [Bartmiński, Żuk 2009: 63].

⁴¹ Полную реконструкцию этого понятия мы находим в тексте Ежи Бартминьского и Гжегожа Жука [2009].

Приведенные выше реконструкции доказывают, что в стереотипах содержатся как описательные, так и оценочные компоненты. Они неразделимы, но проявляются с разной силой и на разных уровнях. В стереотипах *солнца, огня, матери, дома, Бога, ангела* описательный компонент преобладает над оценочным. В «идеологических стереотипах» свободы и равенства – размещающихся в наивысшей партии аксиологической сферы – оценочные суждения выдвигаются на первый план. Пользуясь терминологией Ядвиги Пузыны, это аксиологически примарная лексика, к которой кроме свободы и равенства относятся так же *любовь, солидарность, независимость, правда* и т. п. Иначе обстоит дело с относящимися к подвиду «картин» стереотипами *огня* и *солнца*, которые являются носителями ценностей. Можно сказать, что ценности «кроются» в стереотипах. Оценочные компоненты присутствуют в них (а точнее – мы можем их обнаружить) на двух плоскостях: на начальном уровне и на более высокой ступени.

Солнце является носителем таких ценностей как: совершенство, счастье, свобода, жизнь, Бог. Это высокий, символический, «добавочный» уровень, но и на начальном, дословном уровне *свечение* и *согревание* для человека является инструментальной «жизненной» ценностью, поскольку не только обеспечивает его основные, базовые потребности, но отвечает саму возможность жизни. Похожим образом реконструкция семантики **огня** позволяет увидеть его связь с жизнью, счастьем, любовью и духовностью, но у основания этих «высоких» ценностей лежат ценности жизненные, экзистенциальные, прежде всего обеспечение биологической потребности человека в тепле. В основании представлений о **доме** лежат ценности социального (семья) и психического (безопасность, свобода) характера, но не без значения тут оказывается и бытовой аспект (крыша над головой). **Мать** в польской языковой картине мира это первый человек, который удовлетворяет нашу потребность быть близко другого человека, потребность любви, нежности, ласки и безопасности. На начальном, базовом уровне мать удовлетворяет основные биологические потребности

человека. **Бог**, который для верующих является гарантией гармонии и смысла мира, на высокой ступени аксиологической лестницы – *sacrum tremendum*, на более низкой – просто носитель и даритель «здоровья, счастья и успехов». **Ангел** является носителем невинности, чистоты, совершенства, красоты и добрых вестей.

Таким образом, возникает вопрос: могут ли стереотипы солнца, огня, матери, дома, Бога и ангела восприниматься как ценности (то есть так, как *свобода* и *равенство*), и если да, то есть ли для них место, например, в аксиологическом словаре? И что тогда должен содержать польский или славянский, или европейский аксиологический словарь?

В 1985 году лучшим польским гуманитариям задали вопрос, какие словарные статьи должны присутствовать в аксиологическом словаре, который содержал бы наименования ценностей социально и культурологически важных для поляков в течение двух последних веков? Среди ответов были «высокие ценности» [список Schelegera 1921 и Пузыны 1992] и ключевые для актуальной тогда политической ситуации лозунги (**свобода, демократия, независимость, неволя, социализм**), а так же социально-политические ценности (народ, родина, патриотизм, интернационализм, космополитизм). В списке моральных ценностей оказались: справедливость, братство, солидарность, (а так же измена, месть); в числе личных качеств – достоинство, верность, мужество, смелость; из чувств в этот список попали любовь и ненависть. Кроме того, там оказалась правда, но нашлось место и для лжи, фальши, насилия, предательства и зла. Список ценностей содержал так же такие понятия, как: человеческая личность, семья, наука, знания, красота, богатство [Bartmiński 1989: 299 и след.].

Несколько другие (но по-прежнему с «высокой полки») ответы на проведенную в 1986–1987 годах в разных социальных кругах анкету получила социолог Мария Маньковская. Ранжирование предпочтений этого времени возглавили: **любовь, патриотизм, честность, справедливость, свобода, честь, дружба, смелость, материальные ценности, моральные ценности**. Во главе следующей десятки стояли деньги и работа [см. Bartmiński 1989: 308].

Спустя годы (в 2010, 2014, 2014 годах) вопрос о аксиологическом каноне поляков поставили Ежи Бартминьский и Моника Гжещак. Основываясь на данных лингвистических и социологических исследований и результатах анкет проводимых «Центром исследований общественного мнения» (CBOS) в 1985–2007 годах⁴² в первую тройку ценностей вошли: **свобода, работа, семья** (далее по списку следовали: любовь, правда, достоинство и патриотизм, добро, толерантность, демократия, честь, солидарность, справедливость, ответственность, человек/личность, дружба, честность, народ, родина, сообщество, вера, традиция). Список 2010 года, составленный из ценностей занимавших в 20 проведенных ранее исследованиях первые три позиции, насчитывал 35 понятий. Доминировали в этом списке ценности связанные с семейной жизнью: **семья, работа и любовь**, далее шли: вера и дружба, свобода, родина, человек/личность, справедливость, толерантность, демократия, достоинство. Список продолжили: *правда, добро, честь, деньги; солидарность, честность, власть*, и, наконец: *здоровье и ответственность/współodpowiedzialność* (совместная ответственность).

Если сравнить эти два списка, видно, что первая десятка ценностей остается неизменной. Когда число исследований удвоилось, из первой двадцатки «выпали»: традиция, народ и сообщество, а на их месте появляются: деньги, власть и здоровье.

Такое подведение итогов над многочисленными исследованиями, посвященными изучению канона ценностей, весьма поучительно, поскольку позволяет увидеть, что в состав польского аксиологического канона входят как важные для всего национального сообщества «великие идеи» (такие как: свобода, независимость, демократия – в терминологии Валерия Писарека «знаменитые слова», в терминологии Михаэля Флайшера «коллективные символы»), так и ценности существенные с точки зрения обычного человека (дом, семья, любовь, здоровье, деньги)⁴³.

⁴² Среди других во внимание приняты работы: Bartmiński 1989, Dyczewski 1993, Świda-Ziemia 1995, Jedliński 2000, Pisarek 2002, Fleischer 2003, Bock/Lühr 2007, Śekowska 2007.

⁴³ Ежи Бартминьский [1989] одни и другие называет «наименования ценностей».

Из приведенных тут данных следует так же, что для среднестатистического пользователя языка в иерархии ценностей выше может стоять что-то, что не всегда (см. результаты исследований 2010 года) находится в группе идеологических стереотипов, то есть в ряду «великих идей». Это, в свою очередь, позволяет сделать вывод, что для субъекта в зависимости от политической, социальной, экономической и др. ситуации ценностями могут быть предметы и понятия самых разных категорий: от абстрактных до абсолютно реальных, которые воспринимаются как «носители» ценностей. Это еще один аргумент в пользу тезиса когнитивистов – Кшешовского [1987], Бартмиńskiego [2003], что ценности охватывают весь язык, а не только отдельный комплекс языковых фактов.

Литература

1. Abramowicz M., Bartmiński J., Chlebda W. Językowo-kulturowy obraz świata Słowian na tle porównawczym. Założenia programu „A” (10 VI 2009) / M. Abramowicz, J. Bartmiński, W. Chlebda // *Etnolingwistyka*. 2009. Nr 21. S. 341-342.
2. Abramowicz M., Karolak I. Wolność i liberté w językach polskim i francuskim / M. Abramowicz, I. Karolak // *Język a kultura*. – Vol. 3. – Wrocław, 1991. – S. 51-59.
3. Adamowski J. Językowy portret „ładu” w polskiej kulturze ludowej / J. Adamowski // *Etnolingwistyka* 1992. Nr 5, s. 83-94.
4. Bartmiński J. Słońce / J. Bartmiński // *Słownik ludowych stereotypów językowych*. Zeszyt próbny. Wrocław, 1980. S. 205-230.
5. Bartmiński, J. Definicja kognitywna jako narzędzie opisu konotacji słowa / J. Bartmiński // *Konotacja*. – Lublin, 1988. – S. 169-183.
6. Bartmiński J. Projekt i założenia ogólne słownika aksjologicznego / J. Bartmiński // *Język a kultura*. – Vol. 2. – Wrocław, 1989. – S. 197-209.
7. *Językowy obraz świata* / J. Bartmiński (red.). – Lublin 1990.
8. Bartmiński, J. DOM – ŚWIAT – opozycja czy współdziałanie / J. Bartmiński // *Dom w języku i kulturze*. – Szczecin, 1997. – S. 11-22.
9. Bartmiński, J. Podstawy lingwistycznych badań nad stereotypem – na przykładzie stereotypu „matki” / J. Bartmiński // *Język a Kultura*. – Vol. 12. – Wrocław, 1998. – S. 63-83.
10. Bartmiński, J. Miejsce wartości w językowym obrazie świata / J. Bartmiński // *Język w kręgu wartości*. *Studia semantyczne*. – Lublin, 2003. – S. 59-86.

11. Bartmiński, J. Koncepcja językowego obrazu świata w programie slawistycznych badań porównawczych / J. Bartmiński // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. – 2005. – Nr 40. – S. 259-280.
12. Bartmiński, J. Aspects of Cognitive Ethnolinguistics / J. Bartmiński. – London and Oakville, 2009.
13. Bartmiński, J. Jak badać językowo-kulturowy obraz świata Słowian i ich sąsiadów? / J. Bartmiński, W. Chlebda // *Etnolingwistyka*. – 2008. – Nr 20. – S. 11-27.
14. Bartmiński, J. Der Begriff ODPOWIEDZIALNOŚĆ im semantischen Relation des Polnischen (zwischen dem Objektivismus der rechtlichen Relationen und dem subjektiven Pflichtgefühl) / J. Bartmiński, M. Grzeszczak // *Wahrheit, Recht, Verantwortung. Norme- und Wertbegriffe im interkulturellen Kontext*. Akten der internationalen Arbeitstagung “Normen und Wertbegriffe in der Verständigung zwischen Ost- und Westeuropa”, 20-21. März 2009 in Bukarest. – București, 2010. – S. 79-113.
15. Bartmiński, J. Zur Nützlichkeit des Kanonbegriffs für die Arbeit am Wörterbuch der west- und osteuropäischen Werte – wie kann man den (nationalen, europäischen) Kanon der Werte rekonstruieren? / J. Bartmiński, M. Grzeszczak // *Kultureller und sprachlicher Wandel von Wertebegriffen in Europa. Interdisziplinäre Perspektive*. – Frankfurt am Main, 2012. – S. 1-22.
16. Bartmiński, J. Jak rekonstruować kanon wartości narodowych i europejskich? / J. Bartmiński, M. Grzeszczak // *Etnolingwistyka*. – 2014. – Nr 26. – S. 21-44.
17. Bartmiński, J., Majer-Baranowska U. 1 „Dunaj” w polskim folklorze / J. Bartmiński, U. Majer-Baranowska // *Etnolingwistyka*. – 1996. – Nr 8. – S. 167-184.
18. Bartmiński, J. Stereotyp słońca w polszczyźnie ludowej / J. Bartmiński, S. Niebrzegowska // *Etnolingwistyka*. – 1994. – Nr 6. – S. 95-143.
19. Bartmiński, J. Słońce / J. Bartmiński, S. Niebrzegowska // *Słownik stereotypów i symboli ludowych [SSSL]*. – T. I-1. – Lublin, 1996. – S. 119-144.
20. Bartmiński, J. Stereotypy językowe / J. Bartmiński, J. Panaś // *Encyklopedia kultury polskiej XX wieku*. – Vol. 2. *Współczesny język polski*. – Wrocław, 1993. – S. 363-387.
21. Bartmiński, J. Definicja semantyczna: czego i dla kogo? / J. Bartmiński, R. Tokarski // *O definicjach i definiowaniu*. – Lublin 1993. – S. 47-61.
22. Bartmiński, J. Pojęcie RÓWNOŚCI i jego profilowanie we współczesnym języku polskim / J. Bartmiński, G. Żuk // *Etnolingwistyka*. – 2009. – Nr 21. – S. 47-67.

23. Normen und Werbegriffe in der Verständigung zwischen Ost- und Westeuropa / B. Bock, R. Lühr R (red.). – Frankfurt a.M. 2007.
24. Dyczewski, L. Kultura polska w procesie przemian / L. Dyczewski. Lublin 1993.
25. Fleischer, M. Stabilność polskiej symboliki kolektywnej / M. Fleischer // *Język w kręgu wartości. Studia semantyczne.* – Lublin, 2003. – S. 107–143.
26. Grzegorzczkowska, R. Wprowadzenie do semantyki językoznawczej / R. Grzegorzczkowska. – Warszawa 2010.
27. Jedliński, R. Językowy obraz świata wartości w wypowiedziach uczniów kończących szkołę podstawową / R. Jedliński. – Kraków, 2000.
28. Kaczan, A. Obraz anioła i diabła w przysłowia i frazeologizmach / A. Kaczan // *Humanista wobec tradycji i współczesności. Prace z etnolingwistyki i logopedii.* – Lublin, 2005. – S. 71–83.
29. Krzeszowski, T. P. Angels and Devils in Hell / T. P. Krzeszowski. – Warsaw, 1997.
30. Maćkiewicz, J. Wyspa – językowy obraz wycinka rzeczywistości / J. Maćkiewicz // *Językowy obraz świata.* – Lublin, 1990. – S. 207–221.
31. Masłowska, E. Ludowy stereotyp rzeki – zarys struktury / E. Masłowska // *Językowy obraz świata.* – Lublin, 1990. – S. 197–205.
32. Mazurkiewicz, M. Dwa spojrzenia na pracę. Perspektywa interpretacyjna a znaczenie słowa / M. Mazurkiewicz // *Językowy obraz świata.* – Lublin, 1990a. – S. 129–146.
33. Mazurkiewicz, M. Marmur. Dwie wersje artykułu hasłowego do „Słownika ludowych stereotypów językowych” / M. Mazurkiewicz // *Etnolingwistyka.* – 1990b. – Nr 3. – S. 71–75.
34. Nepop-Ajdaczyć, L. Polska etnolingwistyka kognitywna. Pomoc dydaktyczna / L. Nepop-Ajdaczyć. – Kyiv, 2007.
35. Niebrzegowska, S. Konotacja semantyczna słońca w polszczyźnie ludowej. M. A. thesis, UMCS / S. Niebrzegowska. – Lublin, 1985.
36. Niebrzegowska, S. Gwiazdy w ludowym językowym obrazie świata / S. Niebrzegowska // *Językowy obraz świata.* – Lublin, 1990. – S. 147–166.
37. Niebrzegowska, S. „Nów” w polskiej kulturze ludowej i gwaraach / S. Niebrzegowska // *Etnolingwistyka.* – 1992. – Nr 5. – S. 73–82.
38. Pisarek, W. Polskie słowa sztandarowe i ich publiczność / W. Pisarek. – Kraków, 2002.
39. Pitala, E. Językowo-kulturowy obraz ANIOŁA w polszczyźnie potocznej i ludowej. M. A. thesis, UMCS / E. Pitala. – Lublin, 2011.

40. Puzynina, J. Język wartości / J. Puzynina. – Warszawa 1992.
41. Różyło, A. O treściach łączonych w polszczyźnie ze słowem Bóg / A. Różyło // *Bóg w językach, tekstach artystycznych i narracjach.* – Sandomierz, 2006. – S. 33–50.
42. Scheler, M. Der Formalismus in der Ethik und die materielle Wertethik / M. Scheler. – Halle, 1921.
43. Sękowska, E. Polska leksyka polityczno-społeczna na przełomie XX i XXI w wieku. Słownik / E. Sękowska. – Warszawa, 2007.
44. Szadura, J. Ogień / Słownik stereotypów i symboli ludowych [SSSL] / J. Szadura. – Lublin, 1996. – Vol. I-1. – S. 264–285.
45. Swida-Ziemia, H. Wartości egzystencjalne młodzieży lat dwudziestych. – Warszawa, 1995.
46. Vaňkova, I. Úvodem: na cestě kognitivní (Etno)lingvistice // *Slovo a Slovesnost* 2010. – Nr 71 (4). – S. 245–249.
47. Zinken, J. The Ethnolinguistic School of Lublin and Anglo-American cognitive linguistics / Jerzy Bartmiński. Aspects of Cognitive Ethnolinguistics. – London and Oakville, CT: Equinox, 2009. – S. 1–5.
48. Żywicka, B. Miejsca i wartości. Zmiany w językowym obrazie przestrzeni we współczesnej polszczyźnie. – Lublin, 2007.

Список использованных сокращений

1. SJP – Słownik języka polskiego / red. Doroszewski W. – Warszawa, 1958–1969.
2. SLSJ – Słownik ludowych stereotypów językowych. Zeszyt próbny. – Wrocław, 1980.
3. SSSL – Słownik stereotypów i symboli ludowych / red. Bartmiński J. – Vol. 1 (1–4). – Lublin, 1996–2012.
4. USJP – Uniwersalny słownik języka polskiego / red. Stanisław Dubisz. – Warszawa, 2003. – Vol. 1–6.